

ЖИЗНИ

поспешно исправляли свои суждения в духе «Дела». Общее мнение складывалось не в пользу Толстого.

Некрасов довольно долго верил в надежду, которую «поманил» его Толстой. Но роман «Анна Каренина» был отдан не в «Отечественные записки», а в «Русский вестник». Надежда сменилась разочарованием. К этому еще примешивалось и сожаление по поводу того, что Толстой, может быть, невольно подкрепил своим именем «катковскую партию».

Однако журнал занял по отношению к роману Толстого выжидательную позицию. В то время как об «Анне Карениной» спорили всюду — в газетах и журналах, «Отечественные записки» хранили молчание. Только изредка, в публицистических статьях Н. Михайловского, проскальзывали отдельные разрозненные замечания, кстати говоря, далеко превосходявшие по глубине все, что писалось тогда о романе.

Создается впечатление, что Некрасов решил дождаться окончания публикации романа, чтобы высказаться о нем в целом. И не вмешивался в пристрастную полемику о романе Толстого. Он ограничился шутилкой эпиграммой.

Особую позицию в отношении к «Анне Карениной» занимал Н. Михайловский. Он судил о романе Толстого по контрасту с его педагогическими статьями.

Однако в отличие от критиков, восхвалявших роман Толстого за его пристрастие к положительным началам, и в отличие от критиков, порицавших Толстого за его пристрастие к одним только положительным началам, Михайловский совершенно отчетливо заметил в романе противоречия.

Михайловский заметил одну характерную особенность Толстого — его способность «дать противоположные суждения об одном и том же предмете». Эту способность он и называл «противоречием». Михайловский находил у Толстого не одно, не два, а «целую систему противоречий». Несомненной заслугой Михайловского было то, что он начал разговор о противоречиях Толстого.

Словом «десница», то есть «правая рука», Михайловский называл «силу» Толстого — его художественное творчество, а словом «шуйца», то есть «левая рука»,

он окрестил его «слабость» — мировоззрение. Поэтому противоречия Толстого представлялись ему следствием оригинальности и какой-то раздвоенности его личности.

Против этой недиалектической трактовки творчества Толстого выступал В. И. Ленин, когда он писал: «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху». Ленинская концепция творчества Толстого выросла из преодоления старой народнической критики.

Наконец печатание романа было окончено. Надо было высказаться по существу. Тем более, что уже стали появляться в журналах и газетах итоговые оценки. Достоевский, например, в своем «Дневнике писателя» заговорил о «злобе дня» и романе Толстого как «факте особого значения». И в «Отечественных записках» была напечатана короткая неподписанная статья.

«Рецензия «Отечественных записок», если в нее вчитаться внимательно, представляет собой полемическое выступление. Слово журнал возражает кому-то. Скорее всего адресатом этого возражения был Достоевский. В своем «Дневнике писателя» он доказывал, что Облонский и Левин — это два настоящих героя времени».

Только одна статья об «Анне Карениной» по-настоящему взволновала Толстого. Статья называлась «Что случилось по смерти Анны Карениной в «Русском вестнике»?». Она была подписана псевдонимом Болагов. Ее прислал Толстому письмом в Ясную Поляну в 1877 году А. Фет.

«Мне очень приятно было читать анализ своих мыслей, при котором все мои мысли, взгляды, сочувствия, затаенные стремления понятии верно и поставлены все на настоящее место», — говорил Толстой.

Толстому хотелось, чтобы статья была напечатана, хотя он был уверен, что она

пройдет или незамеченной, или окажется непонятой. Имя Болагова также заинтересовало и заинтриговало Толстого. И он очень скоро раскрыл этот псевдоним, услышав в статье знакомый голос. В письме к Страхову он говорил: «С первых страниц я узнал Фета. Статья, по-моему, очень хороша, за исключением призрака и неожиданности сравнений».

Фет был восхищен в «Анне Карениной» прежде всего художественным единством всего произведения. «Что сказать про художественное мастерство целого? Про простую столлярную работу. Какое мастерство вводит новые лица!», — восклицал Фет.

Статья именно с этого и начинается — с обоснования единства и разнообразия толстовского романа. Роман Толстого Фет сравнивал с романом Пушкина. «Если истинные художники сами не знают, как уверяет Пушкин, какую штуку выкинет тот или другой их герой, то в ту минуту, когда форма остыла и отливший металл выглянул окончательно на суд божий, — ничто не мешает критике обсуждать соразмерность отдельных частей произведения, отыскивая тот или другой смысл в целом». И Фет процитировал одну строку из «Евгения Онегина», указывая на своеобразие этого «целого» в «Анне Карениной»: «И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал». И это тоже вполне отвечало замыслу Толстого, который называл свой роман «широким, свободным».

Толстовскую иронию Фет понимал в современном и историческом смысле. Его не обманывала, как других, великосветскость романа.

«А небось чувствуют все, — говорил он в письме к Толстому о «сильных мира сего», — что этот роман есть строгий, неподкупный суд всему нашему строю жизни. От мужика до говядины принца. Чуют, что над ними есть глаз, иначе вооруженный, чем их слепорожденные глупелки. То, что им кажется несомненно честным, хорошим, желательным, изящным, завидным, оказывается тупым, грубым, бессмысленным и смешным. Этого они в своем английском приборе ужасно не любят. А дело-то выходит бедовое».

И вот почему Толстой так ценил письмо Фета и его статью об «Анне Карениной». «Сказано все то, что я хотел сказать», — признавался Толстой. Но оттого, что все это не было напечатано в свое время, суждения Фета слишком долго не могли занять подобающего им места в критической литературе о Толстом и его романе.

Полемика о романе Толстого была очень страстной. Кажется, что у критиков, писавших об «Анне Карениной», не было ни времени, ни терпения для того, чтобы понять замысел Толстого в целом.

Превратность многих суждений была столь очевидна, что от Толстого ожидали какого-то объяснения, оправдания. Но он и не думал вступаться за «Анну Каренину». Только в письме к Страхову сказал: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал сначала».

Искусство как целое и отыскивание отдельных мыслей — вот сущность конфликта между Толстым и его критиками в эпоху «Анны Карениной». Для Толстого роман — это «лабиринт», и он не особенно удивлялся тому, что многие запутались в «бесконечных сцеплениях».

Ни одно из произведений Толстого, написанных до перелома в мирозерцании, не вызвало таких споров, как «Анна Каренина». В конечном итоге это его произведение получило признание как «величайший социальный роман во всей мировой литературе». Само время произвело отбор оценок и установило истинное значение труда гения русской литературы.

Эдуард БАБАЕВ,
кандидат филологических наук.

А. ШИФМАН,
доктор филологических наук.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ЮНКЕР ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ДОКТОР ДРОЗДОВ

Летом 1852 года юнкер Лев Толстой, страдающий ревматическими болями, приехал лечиться в Пятигорск. Это был важный период в жизни молодого человека: он искал жизненное призвание. В курортном городке было закончено его первое произведение — «Детство», откуда отправлено 4 июля редактору журнала «Современник» Н. А. Некрасову, который опубликовал его в сентябре. Так Пятигорск после Пушкина и Лермонтова сделался колыбелью творчества еще одного гения русской литературы.

Литературные занятия были сопряжены с лечением минеральными водами. Представившись военному коменданту, юноша обращается к доктору. То был Иван Ефремович Дроздов, опытный и знающий штаб-лекарь, помощник главного врача пятигорского госпиталя. Дроздов служил на курорте с 1835 года. В журнале Министерства внутренних дел в 1839 году была напечатана его статья «О Кавказских минеральных водах». Толстому он прописал серную воду Ермоловских ванн и питье из Александровского источника, которые в то время находились рядом на Горячей горе.

В дневнике за 18 мая Лев Николаевич отметил: «Был доктор, со вторника начну ванны». Наблюдая за состоянием больного, Дроздов навещал Толстого в снятом им тихом домике в Кабардинской слободке. За 13 июля в дневнике запись: «Был доктор, и я назвался к нему. Пойду». Так началось сближение врача и начинающего писателя, несмотря на разницу в возрасте. Об одном посещении дома Дроздовых записано: «Был застенчив, но приличен. Собой доволен».

Это, пожалуй, было первое соприкосновение графа Толстого с демократической русской интеллигенцией, думающей, просвещенной и живущей на свои труды.

Кроме общих литературных интересов, посещение семьи Дроздовых было связано и с музыкой, по которой так истосковался Толстой, живя на «Линии», в станице Старогладковской, где стояла его батарея. Дроздов тоже страстно любил музыку и дал детям хорошее музыкальное образование. Его дочь Клавдия, впоследствии известная пианистка К. И. Любомирская, аккомпанировала певцам и музыкантам. Сын врача И. И. Дроздов в «Записках кавказца», напечатанных позже, вспоминал, что Толстой с его сестрой играли в четыре руки. «Выбор пьес был трудный. Лев Николаевич предпочитал Бетховена и Моцарта всем остальным композиторам, а в особенности итальянским, музыку которых он считал «сладенькой». Но сестра играла достаточно хорошо, чтобы партии их проходили возможно гладко». Хозяйка известной пятигорской гостиницы, генеральша Е. И. Мерлини, негодуя на частые музыкальные вечера у доктора, своим опоздавшим гостям говорила язвительно: «Должно быть, слушал обедню у Дроздовых?»

Чуждавшийся светского курортного общества, раздумывающий и много работающий над будущими произведениями, Толстой в семье Дроздовых нашел близкую ему по духу среду. Еще чаще он посещал их, приехав сюда из Чечни на следующее лето. Вместе с детьми Дроздова, своими сверстниками, верхом обзвонил живописные окрестности. «Ездил верхом с Дроздовыми», — часто записывает он.

При расставании с Пятигорском, как оказалось, навсегда, напутствуемый всей милой семьей, Лев Николаевич подарил ей на память свою подзорную трубу, которая долго хранилась как самая драгоценная реликвия.

Е. ПОЛЬСКАЯ.

ПЯТИГОРСК.

имели под собой почву. Дело объяснялось очень просто. Некрасов в это утро заболел и не смог приехать на съемку, а «положение вятского изгнанника М. Е. Салтыкова еще не было тогда (1856) географически улучшено, чтоб он мог занять свое место в этой группе» («Русская старина», 1880, № 4).

В последующие годы, глядя ваясь иногда в дорожку для него снимок, Толстой не раз вспоминал то морозное февральское утро 1856 года. Старая фотография

напоминала ему о писательской юности, о первых успехах на литературном поприще, а главное, о молодой дружбе с лучшими представителями русской литературы. Все они были тогда старше его и пользовались известностью. Но уже по его первым рассказам, присланным с Кавказа и из Севастополя, они разглядели в нем, как писал Н. Г. Чернышевский, «прекрасную надежду для нашей литературы».